
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

Л. В. ЖУКОВА

ПРАЗДНИКИ НА ФРОНТЕ (по материалам Русско-японской войны)

В статье собраны сведения о том, какие праздники отмечались в русской армии в конце XIX – начале XX века, какие из них праздновались на фронте во время Русско-японской войны. Анализируются трудности организации праздников в военных условиях, сценарии праздников, отношение к ним участников. Также рассматриваются изменения военных традиций в военное время, частично сохранившиеся и после войны.

Ключевые слова: военная традиция, полковой праздник, Пасха, прощание, парад, плен, Русско-японская война, смотр, фронтовая повседневность, «царские дни».

В начале XX века в русской армии отмечалось довольно много государственных и религиозных праздников. Это в первую очередь «царские дни» (ежегодные праздники в честь особ императорского дома). К ним относились «высокоторжественные»¹ и «торжественные»². Число их доходило до двадцати. Кроме того, военная традиция предписывала отмечать «орденские» или «кавалерские» дни. Особенно торжественно праздновались дни орденов Св. Андрея Первозванного (30 ноября) и Св. Георгия Победоносца (26 ноября), а также установленный в 1797 году общий Орденский праздник

---

¹ День восшествия на престол царствующего монарха (21 октября); день коронации (14 мая); день тезоименитства императора (6 декабря); день рождения императора (6 мая); дни тезоименитства царствующей и вдовствующей императриц (23 апреля и 22 июля); дни рождения царствующей и вдовствующей императриц (25 мая и 14 ноября); дни рождения и тезоименитства цесаревича (30 июля и 5 октября).

² Дни рождения и тезоименитств всех остальных членов императорской фамилии: Михаила Александровича (22 ноября), Ольги Николаевны (3 ноября, 24 июля), Татьяны Николаевны (29 мая, 12 января), Марии Николаевны (14 июня, 22 июля), Анастасии Николаевны (5 июня, 22 декабря)

в день Святого Архистратига Михаила (5 апреля). Число «кавалерских» дней доходило до семи.

В первой половине XIX века в армии праздновались также «викториальные» дни, т. е. праздники по случаю побед русского оружия. Однако в 1862 году было повелено прекратить их празднование, кроме дня победы под Полтавой (27 июня), 25 декабря – дня «избавления от нашествия галлов и с ними дванадцати языков» (1812 год) и «Дмитриевской субботы» (между 18 и 26 октября), в которую Дмитрий Донской установил праздновать память воинов, павших в битве на Куликовом поле (8 сентября 1380 года); в эту субботу совершалось теперь поминовение всех воинов, «за Веру, Царя и Отечество на брани живот свой положивших».

Наибольшее количество праздников – православные. Из них самым главным, конечно, была Великая Пасха. Также широко отмечались двенадцатые праздники, в особенности Крещение Господне (Богоявление), Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Вознесение Господне, День Святой Троицы, Преображение Господне, Успение Пресвятой Богородицы, Рождество Пресвятой Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Рождество Христово. Из недвунадесятых праздников особой симпатией пользовались так называемый Старый Новый год и Покров Пресвятой Богородицы. Кроме того, отмечались День всех святых, в земле Российской просиявших, «Никола зимний» и «Никола вешний», дни Казанской Божией Матери, Иверской Божией Матери, «Положение Ризы Господней», Всемиловитый Спас (Медовый Спас), а также многочисленные праздники соборной памяти русских святых. Только внесённых в календарь таких праздников было больше двадцати.

Вторая важная группа праздников – *праздники родов войск и полковые праздники*. Сведения, приводимые в работе И. В. Хохлова (2006), позволяют составить представление о том, как распределялись полковые праздники в течение года: в июне их отмечал 21-й полк, в декабре – 30-й, в мае – 35-й, в августе – 66-й. Свой праздник и святого покровителя имела также каждая рота в составе полка, были и батальонные праздники.

Кроме этого, могли отмечаться дни рождения и тезоименитств полковых шефов и начальствующих, юбилеи сослуживцев, участие полка в том или ином событии, юбилеи полка. Отмечались и личные праздники – награждения, производство в чины, дни рождения и именины.

Одним из праздников Русско-японской войны становятся проводы мобилизованных. Проводы с «прощанием», с напутствием самого Государя Императора широко освещаются в печати и включают постоянные элементы, присущие и другим военным ритуалам.

«Прощание», как правило, состояло из двух частей. Первая часть «прощания» – напутствие. «Когда началась война, то его величество весь 1904 г. все время ездил напутствовать войска, отправляемые на Дальний Восток. Так, в начале мая государь с этой целью ездил в Белград, Полтаву, Тулу, Москву, затем в июне – в Коломну, Пензу, Сызрань и другие города; в сентябре – в Одессу, Ромны и другие места на западе; в сентябре – ездил также в Ревель для осмотра наших некоторых судов; затем в октябре – в Сувалки, Витебск и другие города; наконец в декабре – в Бирзулу, Жмеринку и другие южные города» (Витте 1994: 283).

Император относился к прощанию с войсками очень серьезно – вместе с императрицей он тщательно выбирал иконы и образа для войск, идущих на Дальний Восток, отмечал в дневнике подробности смотров войск, торжественно провожал сестер милосердия, едущих на фронт. Появлялись фотографии августейшей четы (не только в газетах, но и отдельными листами), провожающей солдат на фронт. По воспоминанию дипломата А. А. Мосолова (1993: 31), «речи царя к частям были весьма удачны и особенно – говорившиеся экспромтом, производили сильное впечатление». Смысл речей сводился к тому, что «Государь Император напутствовал... милостивыми словами, выразив при этом убеждение, что они послужат со славой Отечеству, и пожелав им вернуться здоровыми после победоносной войны» (Новое... 1904: 1). После смотра Николай II «объявляет монаршее благоволение начальствующим лицам, нижним чинам, находившимся в строю, объявляет Свое Царское спасибо и жалует, как строевым, так и нестроевым: имеющим знаки отличия Военного ордена – по 5 руб., имеющим шевроны – по 3 руб., а всем прочим – по 50 коп. на каждого» (Там же)³. В конце концов, «прощание» для самого Государя превращается в механический акт: «Простился и благословил все части в полтора часа», – записывает он 19 декабря 1904 года в своем дневнике (Дневники... 1991: 243).

Кроме императора в проводах и напутствиях принимают участие заслуженные генералы и только что назначенные командующие. Вот как «Новое время» описывает обращение генерала П. К. фон Рененкампа: «Широким галопом, на прекрасном гнедом

---

³ Этот текст появлялся в «Новом времени» два раза в месяц. Изменялись только названия полков, в которых проводились смотры.

коне подскакал он к своим сотням... Громким голосом, проникавшим прямо в сердце, генерал произнес несколько слов, обращенных к чутко насторожившимся солдатам: “Помни, ребята, придется рубить, руби крепко, придется стрелять, стреляй метко, береги патрон. Придется идти в атаку, иди лихо, лавой пойдете, так, чтобы это была настоящая лава”». Характерна также речь, которую произнес М. И. Драгомиров, прощаясь с войсками, отправляющимися на войну. Сцена этого прощания была обставлена с необычайной торжественностью, чтобы произвести «благоприятное впечатление на настроение солдатиков, с тяжелым сердцем уходивших на смерть... Генерала Драгомирова несли на носилках, знамена развевались, генерал плакал, обнимал, говорил солдатикам: “...Щадите патроны, щадите патроны, щадите патроны, стреляйте метко, колите крепко”» (цит. по: Павлович 1923: 93). Непременной составной частью прощания был молебен, а затем – парад с церемониальным маршем (См., напр., подробное описание прощания в статье: Рункевич 1905: 404–405).

Вторая часть проводов на войну – «угощение» от города. Первоначально мобилизованным раздавали конфеты, сигареты, вино, почетные лица города приветствовали и говорили речи, для офицеров накрывали столы (Немирович-Данченко 1904). Иногда офицеры скидывались для организации прощального застолья (см., например: Вестник... 1905, № 16: 485).

Однако чем дальше шла война, тем короче становилась церемония прощания. «Было 10 часов вечера. Громадный киевский вокзал переполнен публикой до тесноты. Вот настал час разлуки. Подошел я к образу Спасителя, висевшему в углу пассажирского вокзала 1 класса и, сотворив крестное знамение, возложил на себя епитрахиль. Подошли ко мне офицеры, к ним вплотную приблизились сослуживцы со своими близкими и родными, а вслед за ними волной хлынула к нам вокзальная публика, очевидно привлеченная невиданным зрелищем. Сказав несколько напутственных прощальных слов, я стал благословлять образком каждого отъезжающего офицера, тот целовал образок, мою руку и надевал его на шею. Наступила торжественная минута глубокого молчания... Но вот, раздался вокзальный звонок, кто-то крикнул: “пора!”» – так описывает 1 июня 1905 года провода на Дальний Восток священник 42-й пехотной дивизии Иоанн Яроцкий (Вестник... 1905, № 11: 336).

Одной из очевидных причин сокращения церемонии прощания становятся беспорядки, устраиваемые нижними чинами: «Запасные, в нетрезвом виде, буйствовали, разбивали винные и торговые лавки,

оказывали неповиновение властям» (Летопись... 1904: 664)⁴. «Уже с осени 1904 г. на время приезда призывных в город стали закрывать винные лавки и кабаки, а самих призывников “угощать” от города и обывателей без водки» (Богданович 1990: 306). Однако призывники где-то добывали водку, а их приезд в город на призывные пункты часто приводил к беспорядкам. Так, 27 октября 1904 года 1000 человек призывных в Москве творили такие беспорядки, «что пришлось прибегнуть к войскам для их усмирения, и несколько человек убито» (Там же: 301).

Вскоре после прибытия на театр военных действий войскам предстояло отметить важный «царский день» – 6 мая – день рождения Императора. По этому случаю был назначен «церковный парад» 7, 10, 11 и 12 Восточно-Сибирских стрелковых полков. «Войска были построены в каре среди широкой долины, окруженной горами. Как везде в Манджурии приходилось становиться и маршировать на вспаханном поле, так как нельзя было найти в одном куске ста квадратных сажен необработанной земли. У аналоя стояли два священника и хор певчих солдат с ружьями... Войска вышли в мундирах. Офицеры вне строя в сюртуках и шарфах» (Квитка 1908: 43–44).

«Недавно прибыв на театр военных действий, войска еще сохраняли относительно приличный вид... хотя переходы и утомили их: спины были сбиты, лица – истощенные настолько, что во время смотра Уссурийского полка гр. Келлер даже велел одной сотне расседлать коней». Выяснилось, кстати, что большинство казаков «не умело стрелять, ни владеть шашкой, они не знали ни конного ни пешего строя» (Там же: 45). В остальном праздник прошел как положено – было богослужение, во время которого «молились усердно, клали земные поклоны», затем было пропето многолетие. Граф Келлер и за ним все офицеры приложились к кресту. Духовенство, в сопровождении начальствующих, обходило войска и окропляло их святой водой, а батальон за батальоном подхватывал целым хором: «Спаси Господи». После этого пили здравицы, затем – парад церемониальным маршем и смотр, во время которого как раз и случился скандал. Келлер прямо во время смотра отругал Абациева, и всех отпустили обедать. Примечательно, что широкомасштабной попойки в этот раз не случилось, хотя недостатка в продовольствии и спиртном в это время еще не было.

---

⁴ «Летопись войны с Японией» в беспорядках запасных обвиняет местные власти, сухость и формальность прощания, отсутствие важных моментов напутствия, создающих определенное эмоциональное настроение в войсках.

Из «Царских дней» в 1904–1905 годах наиболее значительным было, конечно, *рождение Цесаревича Алексея* (30 июля 1904 года).

Отпраздновать его удавалось не всем – в Ляояне шли бои, не праздновали и в Порт-Артуре, где известие о рождении Наследника было получено 17 августа (Лилье 2002: 182). Тем не менее на передовых позициях была зачитана телеграмма от Государя, «в ней он всю манчжурскую армию назначает восприемниками наследника-цесаревича. Это всех ободрило и обрадовало» (Сребрянский 1996: 72), но, пожалуй, больше потому, что не требовало от сражающихся дополнительных действий и усилий.

В 1 Восточно-Сибирском стрелковом Его Величества полка празднование было назначено на 1 августа (Иванов 1907: 259).

Полагался парад, при этом «недостающее число рядов командир полка приказал пополнять по... усмотрению из 2-й роты; одетым быть в караульной амуниции. Роте с хором музыки прибыть к переезду через железную дорогу к 8 ч. утра» (Там же: 259–260). Телеграмма об этом была получена ночью, но некоторые приготовления сделать успели – обмундирование и амуниция были кое-как починены и почищены. «Смущали немного погоны: их густо-малиновый (стрелковый) цвет от действия солнца и дождя обратился в цвет моченой малины; металлические вензеля на них также потускнели. Десяткам трем стрелков какими-то судьбами удалось... достать свежие погоны с блестящими вензелями» (Там же: 262). Более презентабельно выглядели роты, только что прибывшие из России, и уж совсем щеголевато – присутствовавшие на параде военные агенты иностранных держав. Они стояли отдельной группой, в мундирах, украшенных галунами и перьями.

«Приехал и поздоровался назначенный командовать парадом начальник 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Гернгросс... Серая рубашка боевого генерала выделялась темным пятном среди блиставших белизной и свежестью кителей штабных главной квартиры... Подошли начальствующие лица, великий князь Борис Владимирович и после всех – командующий армией генерал-адъютант Куропаткин» (Там же: 264). Началось богослужение, служил полевой главный священник Голубев, после которого Куропаткин обратился к войскам с краткой речью, текст которой капитан И. Е. Иванов передает так: «Его Величество Государь император вверяет своего Первенца Манчжурской армии, назначив Его Шефом 12 Восточно-Сибирского стрелкового полка... постараемся оправдать своими делами эту новую Монаршую

милость к Манджурской армии – мы должны победить или умереть, – да поможет нам Бог! За здоровье Государя Императора, Государынь Императриц, Наследника Престола и весь Царский дом “ура!”» (Иванов 1907: 264). Кстати, именно богослужение вызывает у участников наиболее яркие и позитивные эмоции: «Светлые парчовые облачения духовенства, теплившиеся перед иконами разноцветные лампы, металлические подсвечники с едва мерцавшими при дневном свете огоньками свеч – вся эта привычная с детства и давно невиданная обстановка церкви здесь, на полях Манджурии, вместе с возгласами священника и стройными напевами небольшого, но хорошего, привезенного из России хора певчих, вызвала в воображении картины милой далекой родины, где в этот день во всех храмах, начиная от столичных соборов, придворных церквей и до последней бедной сельской церкви, чувства Царя и народа слились в горячей благодарственной молитве Творцу за дарование России давножданного, давно желанного Наследника Престола» (Там же: 265).

Далее, очевидно, Куропаткин уехал и началась попойка, однако Иванов о ней не упоминает. Зато подробно рассказывает о разгуле офицерства и нижних чинов именно в связи с этим праздником подполковник и будущий писатель А. В. Квитка.

13 августа в его полку также был назначен парад в пешем строю по случаю рождения наследника престола. «Сотни построились на ровном и открытом месте на берегу ручья. Кн. Меликов, старший из сотенных командиров, встретил меня рапортом. Я обратился к отряду: “Ребята, в тяжелую годину Богу угодно было даровать Царской Семье и всему русскому народу великую радость: родился давно жданный Наследник Престола. Да здравствует Цесаревич Алексей Николаевич. Ура”. В это время в отдалении оружейные залпы следовали один за другим непрерывно» (Квитка 1908: 222). После этой краткой речи он начал пить здравицы, затем сотни разбежались домой обедать. «Для офицеров стол был накрыт под деревьями, на берегу ручья. Пепино (повар. – Л. Ж.) превзошел себя по случаю такого торжества; меню было: блинчатый пирог из курицы, суп, филэ миньон и сабайон из шоколада, к десерту были поданы леденцы и мелкие орешки; напитки были полбутылки водки, три бутылки красного вина и полбутылки рому. Не похоже было это на те пиры, про которые говорили в штабе армии, предполагая, что в отряде генерала Ренненкампа всегда разливное море. Казаки получили только по десяти бутылок водки на сотню, а к ве-

черу было пьяных очень много, очевидно они нашли ханшинную водку у китайцев» (Квитка 1908: 223–224).

Что касается других «царских дней», то, видимо, их празднование происходило значительно скромнее. Это объяснялось военной обстановкой, но, кроме того, несмотря на весь пафос, парады и смотры в условиях военного времени вызывали скорее раздражение, нежели восторг, в первую очередь потому, что требовали огромных усилий для приведения в порядок обмундирования солдат и офицеров. Беспорядок в обмундировании возникал не только из-за износа одежды. В начале войны было принято решение срочно перекрасить рубахи из белого в другие цвета (серый и зеленый), поскольку белый цвет был слишком хорошо виден. В результате в строю оказывались и серые, и белые рубахи. Некоторые нижние чины имели явный недокомплект обмундирования, поскольку продали, пропили или потеряли его по дороге. Восполнить утрату было не так-то просто. Несколько лучше обстояло дело с офицерским составом – их обмундирование чистили и чинили денщики, однако заметный разнобой встречался и здесь. Как видно из описания смотра, приводимого генерал-майором Л. Н. Бельковичем (1908), солдаты испытывали затруднения, не зная не только церемониального шага, но даже положенных «солдатских изречений», которые следовало произносить в ответ на приветствие начальствующих.

«Забывали» отметить и викториальные дни, причем нередко в дневниках на эти числа приходятся записи, но в них нет даже упоминания о праздниках. А вот «кавалерские» дни иногда отмечали, о чем упоминает, например, корнет Ф. И. Шикун (2003).

Совсем иначе обстояло дело с праздниками православными. Многие хотя бы названиями отмечают эти праздники, особенно часто упоминая Рождество Христово, Покров Богородицы и Благовещение. Особенное значение имела Пасха. Ее отмечали все.

Пасха 1904 года (28 марта [10 апреля]) отмечалась в Порт-Артуре в ожидании обстрелов, хотя 27-го настроение было предпраздничное и оживленное, обитатели города спешно делали закупки, пытались приготовиться к празднику (Лилье 2002: 57).

К вечеру и погода, и настроение несколько испортились – почему-то казалось, что именно в этот день японцы обязательно предпримут новую атаку, к тому же поднялся ветер. Перед заходом солнца адмирал С. О. Макаров поднялся на борт броненосца «Петропавловск» и «приказал всей команде собраться на палубе и его окружить» (Мирбах 1955: 151). Обратившись к команде, он сказал:

«Наступает Св. Праздник Воскресения Христова, наш наибольший христианский праздник, но сейчас война, и вот я вас избрал в эту ночь охранять всех нас, дабы остальные могли на короткое время забыть войну и сосредоточиться на молитве. Дай Бог вам исполнить этот святой долг!» (Мирбах 1955: 151), после чего ушел на другой корабль. В городе все тоже находились в напряжении.

«Когда раздался тихий благовест небольших колоколов наших все еще временных церквей-бараков, весь город ожил, но не было того шума и света, той радости, что видится в далекой России среди мирной жизни. Со всех сторон бесшумно задвигались тени по направлению церквей; кто только мог, спешил помолиться об избавлении от грозящих бед, но, уходя, прощался с остающимися дома; могли ведь не вернуться или не застать в живых» (Ларенко 1906: 114).

Несмотря на тревогу, церкви были полны народа, некоторые стояли на улице, пытаясь заглянуть в занавешенные окна. Среди молящихся было особенно много солдат и офицеров (Там же: 115). Наконец, в Отрядную церковь прибыли комендант, «прочие высшие чины» и генерал А. М. Стессель. Началось богослужение. По окончании службы все поспешили домой. Вернулся в гавань «Петропавловск», и Макаров решил разговляться с командой. «Вот появляется аналой, священник, откуда-то куличи и яйца» (Мирбах 1955: 152).

Для сухопутных войск в Порт-Артуре Пасха прошла не столь торжественно: «...полковой “батя” разъезжал по позициям и там под пушками или около окопов на скорую руку, тут же составив ружья, и то по частям исповедывались и причащались... Около полудня приехал священник с церковником на двуколке. Я собрал насколько возможно людей. Солдаты вообще чрезвычайно серьезно относятся к таинству причащения, и тут прежде чем идти на исповедь, у кого было в вещевых мешках, надели чистое белье. Под открытым небом поставили какой-то пустой ящик, священник накрыл его пеленой, после краткой службы и простого, но задушевного слова, всем-всем сразу отпустил грехи и приступил к причащению. Причастившиеся тотчас разобрали винтовки из козел и сменили оставшихся в окопах и на постах, чтобы и им дать возможность отговорить», – вспоминает флотский офицер В. П. Змеицин (2004).

«Хотя на Пасхе в Артуре еще все можно было достать, так как сообщение еще не было прервано, да некому и не было времени

заниматься приготовлением пасхальных яств, тем не менее командир батареи Электрического утеса Капитан Жуковский в бетонном каземате накрыл стол, поставил яиц, черного хлеба, кое-каких закусок и самоварчик и мы, в том числе и Генерал Белый в перерывах между пальбой похристосовались, выпили по рюмке водки и перекусили, чай же пили по очереди и в перерывах, так как самоварчик был махонький, стаканов 5–6, а в соборной церкви шла заутреня» (Змеицин 2004).

Очень многое из того, о чем говорили в тылу, в условиях осады оказалось неактуально. Не оказалось у священника «церкви-складня», макет которой обсуждался с 1903 года, не потребовалось ему долго размышлять о вопросах к исповеди, да и сама исповедь в походных условиях мало напоминала то, о чем писал «Вестник военного духовенства».

Некоторым отметить Пасху и вовсе не удалось. Например, в Японии в лагере Мацуяма первые русские военнопленные не имели возможности ни причаститься, ни разговеться. Глава Русской православной миссии в Японии отец Николай через французского католического миссионера «послал... им 50 ен на красные яйца в Пасху, несколько икон, 65 брошюр Житий Святых, 2 Новых Завета, 2 молитвенника, Часослов, Пасхальную Службу и письмо, в котором утешал их, что они пострадали за Отечество, советовал отправлять общую молитву с пением и чтением по Часослову» (Дневники... 2004: 44), но больше ничего сделать не смог.

И все же Пасха 1904 года не просто запомнилась. Для некоторых она становится особенным праздником – о ней во всех подробностях вспоминают через несколько лет, сравнивают с Пасхой 1905 года.

Пасха 1905 года (17 апреля) была совершенно другой – в стране началась революция, война уже почти проиграна, надежд на благополучный исход остается все меньше. Вот как описывает Пасху 1905 года А. Квитка (1908: 429): «16 апреля. В одиннадцать часов вечера, на одной станции после Златоуста, священник, вызванный телеграммой, освятил стол, приготовленный для разговления по случаю Святой Пасхи. Мы похристосовались и разговелись... 17 апреля... два молодых солдата совершенно пьяных... рядом с нами стоял поезд с воинским эшелоном от Гренадерской дивизии, шедшей на пополнение действующей армии. Все были пьяны и безобразничали». Тем не менее находившиеся на позициях имели некоторую возможность соблюдать обряды. Ф. И. Шикунц, напри-

мер, отмечает, что полковой священник на Страстной неделе служил в нескольких местах, где и принимал исповедь. Желаящие, кто не успел исповедаться, добирались верхом, «так как туда было 7 верст» (Шикуц 2003: 112).

Подробно описал Пасху 1905 года о. Митрофан Сребрянский. Полк его (51-й драгунский Черниговский) стоял в Юшитае и в фанзе была устроена церковь, из нижних чинов сложился хороший хор. Торжественно отслужив в Вербные субботу и воскресенье, о. Митрофан объявил, какой будет порядок служб на Страстной неделе, однако его планам не суждено было сбыться – в четверг полк получил приказ о выступлении в поход. Церковь, украшенную к Пасхе, пришлось разбирать. На новом месте фанзу для служения прибирать пришлось очень спешно, и украсить ее не успевали, но все же место для служения организовать удалось.

Большое беспокойство вызывало предстоящее разговение. Для него требовались просфоры⁵, а для их изготовления – хорошая мука и печи. Отец Митрофан нашел выход: повар пек просфоры в котлах и накануне Пасхи напек их около трехсот, «так что говение и прошло... по-русски, то есть на заливке каждый причастник получал просфору, а всего приобщилось больше четырех тысяч человек, и Ксенофонт (повар. – Л. Ж.) успевал» (Сребрянский 1996: 294). Еще один атрибут пасхального стола – крашеные яйца. Достать их накануне Пасхи становилось сложно – они подорожали. Еще труднее было придумать, чем их красить – краски не было. Солдаты придумали красить яйца китайской бумагой, которую кипятили в котле (Там же: 298). Что касается самой пасхи⁶, то для большинства в походных условиях о ней и думать не приходилось. Вместо нее на стол ставили хлеб со свечой. Купить и пасху, и кулич можно было в Харбине, однако такая возможность была не у всех, а разнообразить праздничный стол хотелось хоть как-нибудь. Для этих целей использовались и «прибереженные» припасы, купленные еще в Мукдене, и посылки из дома, и мародерство. Однако, поскольку некоторые полки получили приказ о передислокации, все их приготовления пошли прахом.

Например, Ф. И. Шикуц, в субботу попавший вместе с другими однополчанами на новую позицию, очень расстраивается, что приходится делать приготовления в спешке. В результате столик все

⁵ Или артос – освященный дрожжевой хлеб, на котором изображается крест.

⁶ Особое блюдо из творога пирамидальной формы.

же соорудили, «покрыв его предварительно циновкой и палаткой», поставили угощение, «а самое главное – бутылочку “монопольки” с белой головкой и 3 штуки яиц, которые были даны в охотничью команду китайцами. Спасибо, что они дали нам яиц, а то к Пасхе яйца продавались по 8 руб. сотня, так что в полку солдатам досталось по одному яйцу на каждые три человека, а у нас на каждого охотника по два яйца. Жаль только, что не было белого хлеба, взамен кулича... По окончании богослужения командир полка пригласил к себе всех офицеров и прапорщиков разговеться... все собрались, похристосовались, выпили, закусили, а в это время полковая музыка играла туши, марши, покурри и др. веселые пьесы, чтобы, насколько возможно, развеселить собравшееся общество» (Шицуц 2003: 113).

Отмечали Пасху и военнопленные в Японии. Вышла она не столь счастливой, однако пленные имели возможность исповедаться и причаститься, богослужение и исповедь вели японские священники. «Большая часть офицеров пожелала Страстную неделю есть постное. Из Токио епископ Николай прислал японского священника о. Петра, который немного говорит по-русски и уже 11 лет священствует, но «службу знает плохо, зато служит с благоговением». Исповедь в субботу была общая для всех. Причащались за пасхальной обедней. Служба продолжалась 4 часа. Больших усилий стоило добиться, чтобы японцы «позволили нарушить правила» – разрешили ночную службу и не тушили электричества до 8 часов утра. «Было устроено разговение, и, конечно, братия напились» (Около японцев... 1908: 944).

Другие православные праздники отмечались как придется. В зависимости от радения полкового священника совершались богослужения, но зачастую их составной частью становился обряд погребения, частые передислокации полков и некоторая скудость продовольствия не позволяли даже осознать праздник. «Новый, 1905 год... пришлось встречать в беднейшей и грязнейшей фанзе, среди грязи и полумрака и даже опасности. Денщики вскипятили чай и бульон из консервов; неизменная колбаса, сало, сухари – это новогодний ужин. В 12 часов встали все, перекрестились, поблагодарили Бога, что помог пережить страшный 1904 год, попросили благословения на наступающий, поздравили друг друга и в час ночи улеглись... В 7 часов утра еще раз перекрестились и еще раз поздравили друг друга с “русским” Новым годом: в России в это время ровно 12 часов ночи. Начинаем вытягиваться в путь», а на

Крещение служили «поскору», во время служения начался обстрел, но все же «закусили у кого что было и начали собираться в поход» (Сребрянский 1996: 232–239)⁷. Для тех же, кто стоял на позициях, праздники отмечались тем, что «не было учений». Впрочем, не всегда празднование было таким скромным и скорым. Вспоминая Рождество, А. Квитка, например, тоже отмечает некоторую поспешность празднования: «После обедни в церковном шатре, в присутствии начальников отдельных частей отряда, офицеров и по сотне от каждого полка, был церковный парад. Генерал Мищенко поздравил казаков с праздником и пожелал здоровья и счастья их семьям. Он говорил громким голосом, слышным на большом расстоянии; в каждом его слове чувствовалась искренность и сердечность; не даром он так популярен в войсках... Начальники отдельных частей были собраны вокруг генерала Мищенко на совещание. Теперь уже было известно, что мы выступали завтра» (Квитка 1908: 356–359). В соседнем полку, «у Читинцев празднество началось со вчерашнего вечера – музыка и пение раздавались до утра. На обед было подано, после закуски, суп прентаньер, рыба орли, рагу из барашка, фазаны жареные на вертеле, салат из консервов зелени с майонезом и парфе из ананасов. Шампанским угощал командир полка – сегодня был получен приказ об утверждении его в должности... Писарь принес от Левенгофа записку: офицеры полка приглашались в собрание на бал; из отряда Красного Креста ожидали на бал пять сестер милосердия. Я не пошел. Музыка играла до трех часов утра» (Там же: 359), а на следующий день все маялись похмельем.

Одним из праздников на фронте было *торжество, связанное с иконами*.

На третий день Пасхи 1904 года, например, состоялась торжественная передача I Восточно-Сибирскому стрелковому Его Величества полку иконы преподобного Серафима Саровского Чудотворца, пожалованной Государем Императором. 30 марта 1904 года полк в полном составе построился для принятия иконы. Командующий дивизией генерал-майор Гернгросс прочел телеграмму Государя, «поздравил полк с новою Монаршею милостью, а командир полка, приняв икону от командира прибывшего 3-го батальона, подполковника Будаговского, передал ее полковому священнику Иоан-

---

⁷ Интересно также наблюдение о. Митрофана о том, что иногда молебн начинался «среди лошадей», т. е. не все успевали спешиться.

ну Врублевскому. Сказав соответствующее случаю слово, отец Иоанн благословил иконой коленопреклоненного командира полка, полковника Хвастунова, и передал ему этот новый священный знак Монаршаго внимания к полку... Церемония передачи иконы закончилась церемониальным маршем» (Иванов 1907: 37).

15 мая тот же полк встречал икону Явления Божией Матери преподобному Сергию⁸ – благословение обители маньчжурской армии. На параде присутствовали А. Н. Куропаткин, командир 1-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант барон Г. К. Штакельберг. Командовал парадом начальник 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор А. А. Гернгросс. «По окончании молебна духовенство, сопровождаемое командующим армиею, генералами и свитой, понесло икону по рядам. Обнесли по всем полкам, обход кончился; икону укладывают в ящик, в котором ее возят... Причетники, кое-кто из священников и свиты суетливо спешат поскорее запаковать ее, чтобы освободить место для церемониального марша... Генерал Куропаткин заметил неподходящую суету около иконы, направляется туда и что-то тихо говорит – успокаиваются... Наше внимание отметило и отъезд иконы. Отец Голубев и толстый иеромонах с малиновой епитрахилью поехали в коляске, а ящик с иконой затрясся, подпрыгивая, в обыкновенной двуколке» (Иванов 1907: 58–59).

Еще один праздник, который отмечался и на фронте, – собственно полковой праздник. В описаниях этих праздников есть общие черты, которые позволяют выявить некий «сценарий» праздника, выработанный войной.

Вот что писал в своих мемуарах прапорщик 86-го пехотного Вильманstrandского полка Ф. Нотбек: «30-е августа (1904) было днем нашего полкового праздника, день знаменательный, который мы собирались праздновать, хотя обстановка и не особенно располагала к веселью.

Посреди поля поставлен был аналой, вокруг которого выстроился весь полк, мы стояли не в блестящей парадной форме, а точно

---

⁸ Образ этот сопутствовал русским войскам при царе Алексее Михайловиче в польском походе 1654 года, и на нем по возвращении из похода государь приказал сделать надпись, что молитвами Пресвятыя Богородицы и заступлению святых чудотворцев Сергия и Никона Бог даровал ему победу. В 1703 году, по случаю войны с Карлом XII, образ, по велению Петра Великого, снова был послан в стан русских к графу Борису Петровичу Шереметеву и находился при нем во всех походах этой войны. В 1812 году образ сопутствовал московскому ополчению до самого изгнания врагов из отечества. Он находился также при войсках в кампании 1855 и 1877 годов.

землекопы, все в глине и грязи. Настроение, несмотря на то, было очень торжественное. Полковое знамя было принесено под звуки нашей музыки и богослужение совершено под открытым небом. Затем бригадный и полковой командиры провозгласили обычные здравицы. На это имелась у нас только одна бутылка коньяку, да и та взятая в долг.

Вечером, по случаю праздника состоялся у нас ужин на голой земле. Гаолян служил скатертью, а нарядный сервиз заменяли наши эмалированные кружки и тарелки. Меню составляли: несколько коробок сардин, жареные куры и тоненькие ломтики хлеба (праздник наш совпал с бесхлебицей). Питие составляли 40 бутылок разного вина: дешевой мадеры, марсалы и красного вина; это на 60 человек сильно проголодавшихся офицеров!

С приходом бригадного командира начался наш пир. Не прошло и пяти минут, как коробки сардинок были опустошены, кости обглоданы и бутылки опорожнены. Точно туча саранчи пронеслась над нашим ужином. Полковой оркестр играл во время ужина, но веселые мотивы не могли рассеять наше довольно-таки удрученное настроение» (цит. по: Хохлов 2006: 140–141).

Схожие воспоминания о полковых праздниках остались и у других участников войны. Батальонный командир одного из полков 22-й пехотной дивизии писал, что по случаю праздника полковой священник отслужил молебен, а личному составу к ужину было прибавлено по полуфунту мяса (1-й армейский корпус... 1909: 75).

А вот что писал в своих воспоминаниях Ф. И. Шикунц (2003: 33–34): «21 и 22 октября (1904 г.). Вчера все было спокойно, а сегодня у нас праздновался полковой праздник. Собрались офицеры и по 10 человек нижних чинов от каждой роты полка. На площади поставили столик, пришел священник, отслужил обедню, благодарственный молебен о здоровых и панихиду о воинах, на бранном поле убиенных и обо всех умерших. По окончании богослужения командир полка поздравил присутствовавших с полковым праздником и пожелал всего хорошего на многие лета и победы над врагами. Угощения никакого не было, потому что его негде было достать...

Чтобы поздравить нас с полковым праздником, во время обеда приехали к нам начальник дивизии, генерал Б. с начальником штаба; наш полковник и я с двумя казаками сопровождали их по позиции. По осмотре позиций генерал Б. с начальником штаба уехали в

штаб, а мы с полковником отправились в дер. Вуджуинь, чтобы раздать отличившимся охотникам 5 георгиевских крестов.

Командир полка сам навешивал на грудь героев кресты и целовал каждого в щеку. Потом собрались офицеры, и я подал им две бутылки вина, которые им следовали за полковой праздник. После этого мы поехали обратно в свою деревню». Празднование закончилось пьяной вылазкой с целью захватить японцев в плен и ранением офицера.

Гораздо более сдержанно описывает полковой праздник 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (6 декабря 1904) священник А. Богословский (1904: 113–120). По случаю своего праздника полк получил телеграмму от Государя. Чтение телеграммы и ответа (обращенного к «Надеже Государю Цесаревичу») было «покрыто громовым “ура”». Затем к солдатам обратился командир полка “с словом – с тем словом, которым говорят начальники, знающие душу солдата”». После него говорил священник. Речь его была адресована в основном вновь прибывшим на укомплектование полка (свыше 1000 человек). Впоследствии она была литографирована и роздана нижним чинам как поучение-памятка. Речь эта замечательна в своем роде. В начале ее проповедник вспоминает события русской истории – монголо-татарское нашествие, «годину лихолетья» XVII века, Наполеона. Затем, обращаясь уже к событиям 1904 года, священник говорит о тех сражениях, в которых участвовал полк за 10 месяцев своего пребывания на фронте, и наконец призывает вновь прибывших не только быть достойными павших, но как залог победы: «Трезвость, воздержание от сквернословия, уважение к чужой собственности, чистота души... И всегда, в обыденной жизни, необходимы эти качества, чтобы не прогневать Господа, а в военном походе, когда человек каждый день и час может предстать перед праведные очи Божии, каждый должен быть с чистою трезвою совестью, чтобы явиться к Богу во всем величии и праведности мученика воина» (Там же: 120). После этого был отслужен молебен, исполнен гимн «Боже, Царя храни». Затем разошлись на обед. Офицеры и генералы собрались в фанзе, обед начался с чтения телеграмм Куропаткина, Линевица⁹, Иванова¹⁰, Данилова¹¹ и текстов ответов, затем была провозглаше-

⁹ Командующий 1 Маньчжурской армией.

¹⁰ Командующий 3-м Сибирским армейским корпусом.

¹¹ Начальник дивизии.

на здравница полевому главному священнику Голубеву, «а из дворов ротных фанз в офицерскую столовую доносилось невероятно громкое “ура” Главнокомандующему, от даров которого уже вкусили солдатики» (Богословский 1904: 116).

Конечно, иногда и полковые праздники вызывали заметное раздражение. Например, Л. Н. Белькович так описывает смотр во время полкового праздника: «10-го января, встретив тут же и Новый год и свой полковой праздник... Из событий, кои запечатлелись в памяти, можно отметить приезд к нам нашего корпусного командира... Смотр был назначен в девять часов утра, а потому в восемь с половиною часов полк начал выходить на площадь и выстраиваться. И вдруг в это время прибыл корпусной командир. Это был глубокий старец, как-то грузно и неуверенно державшийся на седле, даже и тогда, когда его лошадь шла шагом (более скорыми аллюрами он, кажется, никогда и не ездил, по крайней мере никто никогда не видел его рысящим или галопирующим), лицо его было изборождено морщинами, глаза светили тускло и неприветливо, а губы были сложены в презрительную улыбку. Глядя на него каждый почувствовал, что этот старец приехал к нам не с добрым и приветливым словом, не с тем огоньком, который, исходя от сердца, быстро передается солдатам и зажигает их сердца радостью и воодушевлением.

Прежде всего он презрительно поздоровался с нами и после этого начал читать командиру полка нотацию за то, что мы опоздали, были плохо выправлены, и что не был послан ординарец к нему навстречу. Потом он начал говорить что-то такое, обращаясь уже к нам, солдатам, но говорил так тихо, что мы ничего решительно не могли понять, а потому и стояли молча, не решаясь крикнуть: “рады стараться, покорнейше благодарим” и тому подобное. Старик часто прерывал свою речь, делая паузы и ожидая, что вот-вот мы дружно гаркнем что-нибудь в ответ на его слова по-солдатски, но мы не слышали его слов, а потому и молчали.

Это окончательно вывело старика из терпения, и он, обращаясь к командиру полка, довольно громко произнес: что это, они у вас немые что ли, почему не отвечают ничего. Тогда командир начал нам делать знаки шашкой, и мы впопад или невпопад начали драть глотки, выкрикивая после каждого перерыва солдатские изречения. В общем, смотр не удался, старик остался нами видимо очень недоволен и поселил в нас чувство тоски и разочарования. Солдаты, расходясь по фанзам, обменивались своими впечатлениями, и в их

словах слышалось много меткого и неутешительного в моральном отношении. Вскоре это грустное впечатление изгладилось с приходом к нам нашего командира армией; он сразу поднял наш дух, и для этого понадобилось каких-нибудь пять минут времени: ласковое слово солдату, пожатие руки офицеру, простота и неподдельность того теплого чувства, что всегда уловит русская душа – и этого было достаточно для того, чтобы ободрить нас и заставить уверовать в то, что и мы – Царское войско, к которому можно подходить не с кислой гримасой презрения, а с теплым и задушевым словом, которое заставляет людей полной грудью кричать восторженное “ура”!» (Белькович 1908: 123–124).

Иногда полковые праздники совпадали с другими событиями – например, праздник Выборгского полка 26 июня 1904 года совпал с отправкой полка в действующую армию. По этой причине торжества ограничились богослужением и парадом.

Еще одним праздником, аналогичным по сценарию с «прощанием», становится удачное возвращение из похода. О таком празднике упоминает, например, А. Квитка (1908: 394–396): «9 января (1905 г.) В десять часов утра был церковный парад по случаю благополучного возвращения с похода... После парада ген. Абрамов пригласил генерала Мищенко и начальников отдельных частей закусить; на всех была только одна бутылка водки, есть было тоже немного».

Главным же, конечно, оставался полковой праздник. Его, как справедливо отмечает И. В. Хохлов, праздновали при любых обстоятельствах, даже в плену. Вот как описывает такой праздник В. П. Змеицин (2004): «9/XI. Среда. Вчера с Шарым поехал в Сизуоко. Приехали туда часов в 11. Выходя из вагона, встретили компанию сизуокских артиллеристов и часть наших, едущих в Окидзу – вторая станция от Сизуоко – на берег моря, где в ресторане они приготовились праздновать свой праздник – Михаила. Уговорили ехать и нас. Взяли дополнительные билеты и поехали. Обед затянулся до вечера. Гейши плясали вяло, хотя некоторые из них и подпили. Красивых и хорошеньких, хорошо сложенных ни одной нет. Некоторые просто девчонки 14–15 лет. Последний танец их был своеобразен и должен был изображать, должно быть, что-то сладострастное. Две гейши – девочка и другая взрослая – встали друг против друга и, проделывая какие-то “па”, изгибаясь во все стороны, подпевая себе в такт музыке, затем опять в такт, ударяя себя ладонями себе по ногам выше колен: потом друг друга по ла-

доням прямо и накрест, все время изгибаясь, отступая и приступая; затем развязали и сняли свои оби (кушаки со свертком материи сзади) и опять принялись проделывать то же; наконец сняли свои верхние кимоно – все с пением; наконец остались в одних нижних довольно коротких повязках вокруг бедер и с видом разгоряченной страсти попадали на пол. Вскочили и стали быстро одеваться, чем танец и кончился. Оригинальное выражение страсти! Точно кошки на крыше поют и бьют друг друга... Хотя попойка и прошла совершенно благополучно, но на меня произвела тяжелое впечатление – с одной стороны распушенностью даже старых офицеров, а с другой – беззастенчивостью девчонок – прямо детей, танцующих безнравственные танцы с раздеванием чуть ни до гола».

Отношение к празднику на войне далеко не однозначное. Исследователи единодушны в утверждении, что соблюдение военных традиций, в том числе и праздников, способствует формированию сплоченного коллектива, поднятию «духа войск». Однако Русско-японская война вносит в понимание роли праздника в армии свои коррективы.

Сформированная по мобилизации, несколько раз подвергавшаяся переформированиям и доукомплектованиям в ходе войны армия представляла собой неоднородное в возрастном, профессиональном, образовательном, религиозном и национальном отношении объединение. Частые ротации кадров, в том числе командного состава, передислокации и т. д. отнюдь не способствовали образованию военного коллектива. В некоторых случаях это осложнялось соперничеством различных родов войск, разобщенностью командования, «штабистов» и армии, неприязнью к «привилегированным» полкам.

Еще одной проблемой стало отсутствие военной подготовки, неумение переносить трудности и лишения военного похода. Это усугублялось отсутствием понимания целей войны и непониманием конкретных военных задач, незнанием местности и противника. В этих условиях праздник должен был играть огромную роль в деле формирования военного коллектива. Однако первый же праздник, который отмечался – «прощание», – больше способствовал падению дисциплины в еще даже не отправленных на фронт войсках. После пафосной церемонии, нередко в присутствии Государя Императора, с напутственными речами, торжественным богослужением, поднесением подарков от протопресвитера военного духовенства, устройством угощения от городских обществ, дело закан-

чивалось пьянкой и разгромами кабаков. Особенно буянили и пьянствовали молодые новобранцы. Это приводит к тому, что церемония «прощания» резко сокращается.

После утомительной и изнуряющей дороги войскам, прибывшим на Дальний Восток, устраивались смотры. Они становились не радостной и торжественной церемонией, а испытанием, вызывающим взаимную досаду. Уставшие, измученные, грязные и растерянные люди вызвали разочарование командования. Командиры, в свою очередь, часто не находили слов ободрения и утешения, не объясняли планов и военных задач. Их речи мало чем отличались от «прощальных» напутствий, призывавших умереть за Веру, Царя и Отечество, «не посрамить» и т. д.

Что касается «царских дней», то их празднование создавало дополнительные трудности. Солдат поднимали ни свет ни заря для чистки обмундирования, выстраивали для смотра и парада. Одеты как придется, невыспавшиеся, уставшие, некоторые в строю – раненые, – в таком виде они встречали высокое начальство и торжественные известия. Радость, одушевление на лицах редко отмечались на таких праздниках. Даже известие о рождении Наследника мало обрадовало. После отъезда начальства праздник перерастал в очередную пьянку, правда, в отличие от других случаев, закуску организовывали лучше за счет присылаемых к этому торжеству подарков и посылок Красного Креста.

Главными и наиболее часто упоминаемыми праздниками на фронте остаются Пасха и Рождество. Одна из причин очень эмоционального восприятия этих праздников заключается в том, что они больше всего напоминали о доме и мирной жизни. Даже в плену во время празднования Пасхи богослужение умиляет, напоминая о России. Пасха требовала особенных приготовлений, к которым относились с большим энтузиазмом, проявляя старание и изобретательность: украшали место, отведенное для богослужения, готовились к разговению. Многие старались попасть на исповедь и само богослужение, даже если оно проводилось в спешке. Вообще религиозные праздники, особенно в 1905 году, нередко проводились в большой поспешности, часто празднование «как положено» (например, Крещения) организовать не удавалось. Несколько менее одушевляли праздники, связанные с иконами. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, ритуал таких праздников был не прописан, поэтому случались и корябая суетливость, и пренебрежение к святыне. Во-вторых, праздники, свя-

занные с поднесением икон, не предполагали деятельного участия солдат и офицеров – они присутствовали на смотре и богослужении, прикладывались к иконе (по статусу), т. е. от начала до конца оставались пассивными участниками события, не всегда понимая смысл происходящего. И, наконец, эти праздники не заканчивались «неофициальной частью». Все же необходимо отметить, что религиозные праздники вызывали большой энтузиазм и не перерастали в большую попойку, в отличие от полковых праздников.

Сочетая в себе торжественный церемониал – смотр и парад, приезд начальства и богослужение и затем – завтрак, обед или ужин, эти праздники должны были сплачивать полк. Однако, как мы видим, даже новобранцы не знакомились с историей и традициями полка, поэтому и не испытывали гордости от пребывания в нем. Кроме того, некоторые нижние чины не знали церемонии – не могли ходить церемониальным маршем и т. д. Главный интерес в полковом празднике, особенно для офицеров, вызывали церемония награждения (она была составной частью праздника не всегда) и заключительная часть. К ней готовились заранее и с упоением. Правда, в отличие от пасхального стола здесь больше всего привлекали напитки. Иногда в неофициальной части полкового праздника появляются и другие развлечения – карты, танцы, игра на музыкальных инструментах, однако даже в офицерской среде полковые праздники не способствуют сплочению.

В целом полковые праздники, отмечаемые на фронте в период Русско-японской войны, не способствовали консолидации полков. До известной степени они даже способствовали разобщению офицеров с нижними чинами. Вместо одушевления праздники вызвали взаимное раздражение и приводили к падению дисциплины. Необходимо отметить, что и до войны отношение к полковым праздникам в армии было отнюдь не однозначное. Как отмечает историк М. В. Хохлов (2006: 163–164), в 1903 году в печати появилось несколько статей, критикующих сценарий проведения полковых праздников, в том числе, например, статья в журнале «Разведчик» «Полковой праздник без водки», статья «Алкоголизм в войсках». Некоторые авторы вообще предлагали отменить праздники такого рода. Их опасения, что полковой праздник фактически всегда превращается в попойку, в полной мере оправдались во время Русско-японской войны. «Тем не менее полковые праздники и юбилейные торжества стали одной из важных традиций русской армии, занимая далеко не последнее место в системе воспитания

войск в духе уважения к истории своей части», – отмечает Хохлов (2006: 163).

Иное дело – религиозные праздники. Отмечавшиеся и в мирной жизни, они служили напоминанием о доме. Их подготовка требовала личного участия и вызывала энтузиазм, а сам ритуал нередко предполагал именно соединение, а не разобщение участников. Составной частью религиозных праздников было духовное очищение и примирение, соединение участников. Как отмечает военный историк В. Л. Минер (2005: 254–255), «морально-психологическая подготовка воинов во время военных кампаний происходила, как и в глубокой древности, именно во время проведения религиозных ритуалов... Одним из периодов активного применения религиозных ритуалов стала русско-японская война 1904–1905 годов. В это время военное священство получало серьезный опыт работы в экстремальных условиях. Священники делали все возможное для поднятия морального духа войск». К моменту начала Русско-японской войны большинство священников военного ведомства вовсе не имели военного опыта. Лишь некоторые из них участвовали в Пекинском походе. Этим объясняются существенные недостатки и в оснащении военно-походных церквей, и в организации служений непосредственно на фронте. Однако именно этот недостаток, как ни парадоксально, сыграл положительную роль. Священники в силу сложившейся ситуации привлекали нижние чины и к устройству мест для богослужения, и к организации праздников. Личное деятельное участие становилось для них не просто способом убить время. Чем больше они прилагали усилий, даже напрасных, тем позитивнее было их отношение к празднику. Почти лишенный собственно военных ритуалов, религиозный праздник на фронте создавал ощущение возвращения к мирной жизни, праздничное и даже возвышенное настроение. Он, в отличие от собственно военных праздников, возвращал нижним чинам, набранным в спешке, плохо обученным, униженным пренебрежением командования и высокомерием офицерства, чувство собственного достоинства.

Литература

1-й армейский корпус в войну с Японией 1904–1905 гг. По дневникам, запискам и письмам участников. 1909. СПб.: Эконом. тип.

Белькович, Л. Н. 1908. Сандепу и Мукден: Воспоминания запасного. *Русская Старина* Т. 133. № 1: 121–145; № 2: 393–403; Т. 136. № 10: 129–151.

Богданович, А. В. 1990. *Три последних самодержца*. М.: Новости.

Богословский А. 1904. Полковой праздник в Маньчжурии. *Вестник военного духовенства* 4: 113–120.

Вестник военного духовенства. 1905. № 11; № 16.

Витте, С. Ю. 1994. *Воспоминания*. Т. 2. Таллинн; М.: Скиф Алекс.

Дневники Императора Николая II. 1991. М.: ОРБИТА.

Дневники святого Николая Японского. 2004. Т. V. СПб.: Гиперион.

Змеин, В. П. 2004. Агония Порт-Артура. Капитуляция Порт-Артура. Из дневника офицера русского флота. *Подольский альманах* 7. URL: <http://podolsk.org/8/zmeic.php>.

Иванов, И. Е. 1907. *От Владивостока до Вафангоу и от Вафангоу до Ляояна. Военно-походные впечатления командира роты 1-го Восточно-сибирского стрелкового Его Величества полка*. СПб.: Типография А. С. Суворина.

Квитка, А. 1908. *Дневник забайкальского казачьего офицера*. СПб.: Изд. В. Березовский.

Ларенко, П. 1906. *Страдные дни Порт-Артура. Хроника военных событий и жизни в осажденной крепости с 26 января 1904 г. по 9 января 1905 г.* СПб.: Типо-литография Шредера.

Летопись войны с Японией. 1904. № 35. СПб: Т-во Р. Голике и А. Вильборг.

Лилье, М. И. 2002. *Дневник осады Порт-Артура*. М.: Центрполиграф.

Минер, В. Л. 2005. *Воинские ритуалы российской армии. История зарождения и развития*: дис. ... д-ра ист. наук. М.

Мирбах. 1955. Пасха 1904 года. *Порт-Артур. Воспоминания участников*: сб. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, с. 151–152.

Мосолов, А. А. 1993. *При дворе последнего императора*. М.: Анкор.

Немирович-Данченко, В. И. 1904. *На войну*. М.: Терра.

Новое время. 1904. 21 мая; 15 сентября.

Около японцев (Из дневника пленного офицера). 1908. *Исторический Вестник* 112(6): 924–960.

Павлович, М. (М. Вельтман). 1923. *Русско-японская война*. М.: Красная звезда.

Рункевич, Н. 1905. Проводы на войну стрелковой 2-й Финляндской бригады. *Вестник военного духовенства* 13. 1 июля: 404–406.

Сребрянский, М. 1996. *Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке*. М.: Отчий дом.

Хохлов, И. В. 2006. *Исторические традиции гренадерских и пехотных полков русской армии: Опыт изучения и сохранения (1874–1918 гг.)*: дис. ... канд. ист. наук. Новгород.

Шикун, Ф. И. 2003. *Дневник солдата в Русско-японскую войну*. М.: Гос. публ. ист. б-ка России.